

Артем Калышко

Революция лжи

Каждый человек желает лишь одного. Мужчина или женщина, принц или нищий — любой из нас стремится к счастью. Ничто иное в жизни недостойно даже поверхностного взгляда или беглой мысли.

Счастье многогранно и переменчиво, без четких форм и границ. Обличий у него ровно столько же, сколько людей на Земле. Оно таится за каждой дверью и углом, но никто так и не сумел с ним встретиться.

Ложь о существовании счастья — величайшее разочарование человечества. Вера в ложь — его величайшая надежда.

Крупные и невесомые хлопья снега медленно опускались на крышу. Кружась в вихрях воздуха, они запутывались в волосах, превращались в капли воды на коже. Я недвижно стоял на вершине девятиэтажного дома, наблюдая за пустыми улицами внизу.

Впервые за множество веков это место не было усыпано сотнями мерцающих во тьме огоньков. Впервые за множество веков по этим улицам не ступали тысячи человеческих ног. Пустота и тьма вместо жизни и света. Огромная

братская могила на кладбище цивилизации. Кто бы мог подумать о таком еще месяц назад?

Нам почему-то кажется, что жизнь всегда будет идти своим чередом, не выходя из привычного русла. Все плохое, чего не случилось ранее, и не должно произойти. Нищета обойдет нас стороной, любимые не умрут, война не начнется. Человечество, в конце концов, будет существовать вечно.

Мы считаем, что все важное происходит далеко и, обязательно, без нас. Это полная чушь. Человечество погибло при непосредственном моем участии. В канун нового года, что, согласитесь, кажется символичным.

Это самое странное первое января в моей жизни.

1. Банальные вопросы

— Чем занимаешься в последнее время? — сказал я и невольно поморщился, расстроенный избитостью своего вопроса.

— Тебе это интересно? — напрямую и без обиняков спросила Таня. Ее серые, а может и не серые — никогда особенно ими не интересовался — глаза были направлены прямо на меня.

Интересно ли? Да конечно же, нет! Какое мне дело, чем занят тот или иной человек? Кому вообще

интересно слушать подобное? Вряд ли ваши постоянные собеседники — незаурядные личности вроде Эйнштейна или Христа, которые всегда могут поведать о чем-то любопытном. Да и с мыслями этих последних лучше знакомиться на расстоянии. Мало ли что.

— Конечно, интересно, — с фальшивой улыбочкой ответил я, стараясь не зевнуть до того момента, пока Таня не отвернется. На самом деле мне хотелось спать, есть и пить. Быстрее уйти из унылого и неудобного кафе, в которое мы заскочили. Прочсть хорошую книгу.

— Зачем бы мне тогда спрашивать? — игриво подмигнул я, не желая ее обидеть. Таня робко улыбнулась. Щечки на ее идеально симметричном, не слишком красивом лице покрылись румянцем.

Вообще-то я хорошего о ней мнения. Много лучшего, чем о большинстве знакомых, что и неудивительно, учитывая ее отношение ко мне. Трудно издевательски поплевывать на человека, влюбленного в тебя. Особенно когда ты сам не испытываешь ответного чувства. Когда чувства взаимны — другое дело.

Запуская иногда пальцы в гущу светлых волос, блестящих под светом настенных ламп, Таня неторопливо и обстоятельно рассказывала о своих занятиях. О работе в газете, о редакторском и журналистском ремесле, о коллегах и долгих

вечерах, просиженных над очередной неловко складывающейся строчкой. Я прикидывал, как скоро можно будет взглянуть на часы, чтобы она не слишком обиделась.

Делать ей больно мне совсем не хотелось. Наоборот — только от желания немного порадовать ее я и согласился на встречу.

— А чем занимаешься в последнее время ты? — спросила Таня, закончив собственный рассказ.

Я замялся, блуждая взглядом по бурым стенам и столам вокруг нас, стараясь не смотреть ей в глаза. О собственных занятиях я старался даже не вспоминать, не то, что рассказывать о них другим. Дела в последнее время как-то не давали повода для радости. Да что там — откровенно не ладились.

— Тебе это интересно? — спросил я, желая отсрочить неприятное повествование.

Таня ответила, как всегда, быстро и честно.

— Нет.

2. Останемся при своих

— Мне было бы интересно, — продолжала говорить она, не дав мне возможности удивиться, — присесть поближе и обнять тебя.

Я, кажется, упоминал, что она влюблена в меня? Вот поэтому я и чувствую себя, как сельдь в

бочке во время наших свиданий. Ну, о чем я толкую? Это для Тани они — свидания. Для меня — просто встречи. Она мне нравится, но и только. Свою девушку, Аню, я люблю.

— Ты же знаешь, — выдержав длительную паузу и печально вздохнув, сказал я, — что не могу желать того же.

Она привычно, и, тем не менее, все так же душераздирающе грустно опустила голову. Мне еще раз отчетливо вспомнилось, почему мы так редко видимся.

— Вернее, — проговорил я, неуклюже пытаясь смягчить предыдущую фразу, — не могу себе этого позволить. Ты же знаешь.

— Знаю. И все равно хочу.

С трудом и неохотой приходилось сознаваться, что временами мне и самому было интересно попробовать. Наверное, лишь страх перед возможными, крайне неприятными последствиями, не позволял мне перейти к действиям. Любимые девушки не очень-то безболезненно переживают измену. Да и не только они.

Неужели любая добропорядочность и ответственность — это всего лишь страх перед возможными последствиями? Надеюсь, что нет. Разум намекал — возможно.

— Так нельзя, — сказал я, покачивая головой.

— Почему?

— Потому что это неправильно.

За словом в карман я в тот вечер не лез. Каждый ответ был подобен комку земли, брошенному на гроб красноречия.

— А кто решает, — упорствовала Таня, — что правильно, а что нет?

— Действительно, — призадумался я. — Хорошо, давай по-другому. Ты мне нравишься, но все это плохо закончится. В финале нас ожидают несколько поразительно неприятных минут.

— А перед тем — несколько поразительно приятных. В худшем случае — останемся при своих.

Мне стало казаться, что Таня окончила иезуитский колледж. Сногсшибательно привлекательная логика. Соблазнительно-позволительные выводы.

Плавным и непринужденным, словно бы ничем не связанным с ходом разговора движением, я достал из кармана телефон и взглянул на экран. Пора было уходить.

Таня, пристально наблюдавшая за мною, отвернулась в сторону.

— Наверное, — холодно и с нескрываемой горечью сказала она, — тебе пора идти?

Я не уловил смысл ее слов. Какая-то мутная, неразборчивая мысль кружила где-то под

поверхностью бессознательного, грозясь в любой момент вынырнуть наружу.

— Полдевятого, — произнес я, словно заклинание, способное взбодрить хромавшую память. — Двадцать-тридцать.

— И тебе пора, — заключила Таня.

— Да нет, — отмахнулся я, не прекращая мучительных попыток вспомнить о чем-то важном и столь не к месту забытом. — Просто у меня такое ощущение... Ох, черт!

За трогательным и где-то трагическим разговором я совершенно позабыл о работе. Мне на самом деле было пора.

— Прости, нужно бежать! — воскликнул я, вскакивая со стула.

Таня, конечно, не поверила. С другой стороны, без повода я бы ушел точно так же.

3. Вечер правды

Я со всех ног мчался к автобусной остановке, пытаясь одновременно дозвониться приятелю. Это был вопрос жизни и смерти.

Телефон выдавливал из себя лишь предательские гудки. Я хотел расправиться с ним на месте. Но эта хитрая бестия знала, что мне без нее не обойтись, и нагло продолжала свои издевательства. Кроме того, яростный самосуд над

собственным телефоном посреди многолюдной улицы — довольно вызывающее поведение.

Я не люблю привлекать к себе лишнее внимание.

Наконец, на другом конце послышался голос.

— Алло?

— Зачем ты аллокаешь? — возмущенно поинтересовался я у приятеля. — Ты что, номера не подписываешь?

— Но...

— Перестань оправдываться и лучше расскажи мне, как там футбол?

Видите ли, я работаю обозревателем в футбольном журнале. Мне приходится составлять обзоры матчей. Перед чем, конечно, желательно их просматривать. В последнее время у меня возникают с этим некоторые проблемы.

— Что значит, как там футбол? — удивился приятель. — Разве это не я должен обращаться к тебе с подобными вопросами? Это же твоя работа!

— Брось паясничать, — перебил я, — и попытайся, в меру своих способностей, сообщить мне о матче все, что только можешь.

— Он закончился.

— Хорошее начало. Что еще?

— Ты что, пытаешься сопоставить мое мнение со своим? — попытался проникнуть в суть нашего разговора приятель.

— Почти, — признался я. — Пытаюсь составить хоть какое-то мнение.

— Что? Ты же должен сейчас писать отчет о матче!

— Я его даже не смотрел.

— В который раз! Ну, ты даешь! Тебя же выпрут с работы!

Он говорил так, словно его это немало порадует. Мне необходимо тщательнее относиться к выбору приятелей.

— Слушай, — устало проговорил я, — может быть, перестанешь пророчествовать и все-таки расскажешь мне, как прошел матч? Чтобы я мог уже сейчас набросать в уме текст и надеяться, что отправлю его своему работодателю не слишком поздно?

— Я вообще одним глазом смотрел. Особо и сказать нечего.

— Счет-то какой?

— Ноль-один, — приятель сделал паузу, за время которой в нем проросло семя гуманизма. — Как твои дела вообще? Ну, в целом?

— Дерьмово, — лаконично ответил я и положил трубку.

Наступил, не иначе, какой-то вечер правды. На все вопросы я отвечал искренне, не таясь.

По итогам телефонного разговора я пришел и к еще одной правде — спешить уже некуда и

незачем.

4. Оно того стоило

Бутылки, заботливо расставленные на полках магазина, ласково приветствовали любого, кто проходил мимо, яркими этикетками. Они словно бы призывали не оставаться равнодушным и приблизиться к ним.

Я выбросил из своего сердца всякое равнодушие.

Красные, черные, зеленые и оранжевые бумажки говорили куда красноречивее любого документа, который может предоставить вам человек. Они ничего не скрывали и никого не обманывали, выставляя на всеобщее обозрение правду о своем внутреннем мире. Я чувствовал его на вкус.

Оторвавшись от радостной встречи со старыми друзьями, мне пришлось вернуться к горьким мыслям о грубой и пошлой материи. Ее самых безобразных представителей, или денег, как их еще называют, в моих карманах оказалось до неприличия мало. Общая сумма напоминала скорее карманные расходы, чем сбережения взрослого, да к тому же еще и работающего человека. Логика и здравый смысл, как никогда беспощадные, настаивали, чтобы я немедленно развернулся и ушел

прочь.

С грустью приняв их доводы и совершив над собой героическое усилие, я сумел отойти от полки, стоически приняв сокрушительный удар судьбы.

До сих пор не могу понять, каким образом, спустя пару минут, я оказался у кассы, с увесистой бутылкой в руке. Вернуться назад не было никакой возможности. Это посчитали бы признаком дурного тона.

Я всегда считал себя человеком культурным.

— Ох уж эти праздники! — сказал я девушке-кассиру, делая вид, что покупаю выпивку исключительно по воле обстоятельств.

Девушка с хорошо заметными кругами под глазами, похожая на заспанную коалу, едва заметно улыбнулась. Она сделала вид, что мне поверила.

В свою очередь, я сделал вид, что очень доволен всем происходящим, расплатился и вышел.

Горлышко бутылки, крепко стиснутое в руке, наполняло меня необъяснимой радостью. И пусть катится к черту и работа, и все остальное. Оно того стоило.

5. Основная функция

Как выясняется, нельзя вот так просто послать все к черту, и не ответить за это. Законы физики никто не отменял. Ничто ниоткуда не берется, и в

никуда не исчезает.

Но обо всем по порядку.

Следующее утро началось с тягостного пробуждения, сопровождаемого изысканной головной болью и странными ощущениями во всех частях тела. Ничто из запланированного на вчера не было сделано. Звонки от разочарованных таким положением дел персон — все до единого пропущены. С тревогой глядя в будущее, я встретил новый день.

Раздражающий гул телефона вывел меня из состояния похмельной медитации.

— Привет.

Звонила Аня, моя любимая девушка, свет моих очей и пылающий костер моей страсти. Как-то с опозданием вспомнилось, что я совсем позабыл о ней днем ранее. За день до того произошла схожая история.

В воздухе отчетливо запахло кровью.

— Привет! — излишне жизнерадостно пролепетал я, надеясь избежать междоусобицы. — Только собирался тебе позвонить.

— Отчего же не позвонил? — ожидаемо, но как-то без огонька поинтересовалась Аня. Акции моей компании по нейтрализации конфликтов поднялись на несколько пунктов.

— Сложный вопрос, — осторожно начал я.

— Ладно, — спокойно, и даже отчасти

ласково прервала меня Аня, — нам необходимо встретиться.

Ее соблазнительное, с приятными окружностями в нужных местах тело мгновенно нарисовалось в моем воображении. Этот мысленный снимок, с помощью которого можно было лечить слабое зрение, наводил на романтический лад.

— Полностью, целиком, исчерпывающе согласен, — не скрывая душевного подъема, сказал я. — Как хорошо, что ты это предложила. Я и сам бы непременно предложил, но, повторяюсь, рад, что это сделала ты.

— Рада, что ты рад.

— И я рад!

— Давай пока что побережем остальные радости на будущее.

— Разумеется, — подчинился я.

— Потому что, — несколько похолодевшим голосом продолжала Аня, — мне есть, что тебе сказать.

Сознание, поглощенное разглядыванием никуда не пропавшей мысленной фотографии, не стало реагировать на этот тревожный знак.

— Отлично, — безмятежно пролепетал я. — Во сколько встретимся?

— Как только сможешь.

— Что, прямо сейчас?

— Давай все-таки померим немного твой пыл, и отложим встречу на пару часов. Заезжай за мной.

— За тобой, — лукаво поинтересовался я, — или к тебе?

— Да без разницы, вообще-то.

— Слова, произнесенные твоим чудесным голосом, наводят меня на мысли о любви.

— На эти мысли тебя наводит вчерашний алкоголь, — резко поправила Аня.

Я несколько растерялся, пытаюсь уловить направление, в котором движется ее логика.

— Что?

— Вчерашний алкоголь, — повторила Аня. — Ты же пил вчера?

Здесь мне следовало изобразить неподдельное возмущение, что я и сделал немедленно.

— С чего ты взяла?

— Ой, я тебя прошу, — исключаящим всякий дальнейший спор тоном проговорила Аня. — Так вот, на мысли о любви, а вернее о размножении, тебя наводит вчерашний алкоголь, или, скорее, последствия его воздействия.

— Не понимаю.

— А тут и понимать нечего. Алкоголь убил огромное число нейронов в твоем мозге, мозг расценил это как смертельную угрозу и заставляет тебя, как можно быстрее, выполнить основную

функцию любого живого организма.

— Какую?

— Произвести потомство.

Что-то в этом есть.

6. Вполне серьезно

Приведя себя в порядок, я выбрался из квартиры. Настроение было отличным. Его не испортила даже засунутая в дверь бумажка, напоминающая о неуплате за свет. Такие мелочи просто не могли меня потревожить.

Зато другие — вполне.

Телефон неприятно заскрежетал, что могло означать лишь одно — кто-то желал со мною поговорить. Я принял звонок не глядя.

Блаженны легкомысленные, ибо неумением учиться на своих ошибках они преподают впечатляющий урок человеческой глупости.

— Неужели я смог вам дозвониться? Поразительно! Как приятно вас слышать!

Гаденький голос по ту сторону трубки не врал лишь об одном — мне действительно трудно дозвониться.

— Здравствуйте, Николай Николаевич, — подавленно сказал я.

Николаем Николаевичем величали моего непосредственного начальника — заносчивого типа

всего на пару лет меня старше, полагающего, будто бы он, мелкий редактор, вознесся над всеми остальными смертными, мелкими редакторами не являющимися. Слабоумие и решительность были двумя главными его чертами. Он решительно выдавал мои работы за свои, а на остальное ему не доставало ума. Эффективность его труда, таким образом, находилась в прямой зависимости от моей производительности.

В последнее время дела у него шли из рук вон плохо.

— И вам не хворать, — ответил Николай Николаевич.

Жаль, но я никак не мог желать для него того же.

Я разозлился.

Во мне взросло непреодолимое желание язвить.

— Чем обязан? — как ни в чем не бывало, спросил я, избирая против агрессора контратакующую тактику.

— Вы обязывались, — прошипел он, — писать статьи и обзоры для нашего ресурса, за что и получали длительное время деньги.

— Я бы не стал употреблять такое громкое слово, как «деньги».

— Что?

— Слово «деньжата» подошло бы больше.

Видимо, алкоголь не только пробуждает тягу к размножению, но и подавляет напрочь инстинкт самосохранения.

— Шутить изволите? — возмущенно спросил Николай Николаевич.

— Почему же? Я вполне серьезен.

— Ах вот как? — он говорил без обычной топорной злобы — одного из главных своих качеств. Дурной знак, но я уже не мог остановиться.

— А где же, — продолжал он, — ваш вчерашний обзор?

— А вы разве его не получили? — с достойным большой сцены удивлением проговорил я. — Странно. Наверное, случился какой-то сбой с почтой.

— Скорее, — медленно и надменно, с чувством исполняющегося правосудия процедил он, — вы ничего и не отправляли.

— Ха-ха. Сейчас небось скажете, что я ничего и не писал.

— Скажу. А еще скажу, что вы уволены.

— Шутить изволите?

— Нет, — зачитал он приговор. — Я вполне серьезен.

Связь оборвалась, телефон замолк.

Ноль-один в его пользу. Прямо как во вчерашнем матче.

7. Особое место на стене и рамка

К дому Ани я прибыл в несколько раздосадованном, по сравнению с началом моего путешествия виде. Предсказуемое увольнение непредсказуемо больно ударило по самооценке и перспективам на будущее. Хотя о перспективах, будем-таки честны, я призадумался лишь после их внезапного падения. Цитируя классика, они оставили по себе такой же след, как в ветре дым, да пена над пучиной. Ничего иного, кроме как кропать статейки для футбольного издания, я делать не умел.

Единственным утешением для меня была скорая, только-постучи-в-дверь-и-она-начнется, встреча с любимой девушкой. Не везет в работе, повезет в любви.

Блаженны легкомысленные — нет, уже было.

— Привет, — сказала Аня, открывая дверь. — Заходи.

Ожидаемого мною страстного поцелуя не случилось. Не успел я прильнуть к ней, как Аня ретировалась куда-то вглубь квартиры, оставив меня прозябать в коридоре.

— Не разувайся, — предупредила она, — сейчас я оденусь и мы уходим.

Я почувствовал себя как-то тоскливо.

— Зачем?

— Затем, что нам надо выйти, — донесся ее голос из-за стены.

— Куда?

— На улицу.

Пришлось мириться с неизбежным.

Пока Аня одевалась, я, от нечего делать, любовался красотами коридора и кухни, хорошо заметной с моего наблюдательного поста. На стенах висело несколько маленьких картин, выполненных в манере сюрреализма — моя девушка немного рисовала. На кухонном столе покоилась огромная круглая пепельница, до краев забитая трупиками сигарет — Аня дымила, как старый морской волк.

— На твоём месте, — громко проговорил я, — я бы уже намечал особое место на стене и присматривался к симпатичным деревянным рамам.

Ни слова в ответ.

— Потому что, — продолжал я, — пора бы уже «филип-моррису» выдать тебе почетный лист или грамоту за выдающийся вклад в развитие табачной индустрии.

Никак не реагируя на мои остроты, Аня вышла из комнаты. Черное, прилегающее к телу платье отлично подчеркивало завораживающие контуры ее фигуры. Темные густые волосы, постриженные в каре, опускались до самых плеч.

— Там холодно? — спросила она.

— Ну, прямо вот в таком виде выходить не

стоит, как бы мне этого не хотелось, — не отрывая от нее глаз, сказал я. — Все-таки декабрь на дворе. Надевай пальто. Или не надевай.

Аня вопросительно посмотрела на меня.

— Не надевай, и мы не станем никуда идти, а останемся здесь, в тепле и уюте, и будем наслаждаться друг другом, и дарить внутреннее тепло, и...

— Я готова, — бесцеремонно прервала она, возникнув прямо передо мной уже в верхней одежде.

8. Просто наслаждаться вечером

— Может быть, — сказал я, с беспокойством оглядываясь по сторонам, — соберем свои вещички и улизнем отсюда по-тихому, пока не поздно? Поедем в нормальное место, в центр?

Мы сидели в каком-то дешевом ресторане, неподалеку от ее дома. Ненавижу публичные заведения, в которых никогда ранее не был. Чувствуешь себя так, будто ты единственный чужак в компании аборигенов с отнюдь не выдающимися моральными качествами. Нужно быть все время на чеку.

— Ехать в центр? По такому холоду? — словно бы прощупывая мое психическое состояние, поинтересовалась Аня.

Ну да, а выходить из теплой квартиры по такому холоду — идея просто великолепная, сказал бы я, если бы захотел поссориться. Небольшой соблазн, признаться, имелся.

— Здесь, по-моему, — закрепляла она свои доводы, — не хуже, чем в любом другом месте.

Конечно, не хуже. Когда недолюбливаешь и презираешь всех людей в принципе, что вполне относилось к Ане, без разницы, где именно терпеть присутствие этих ничтожеств.

Кстати, работает она в службе социальной защиты. Уму непостижимо!

— Ладно, — выдохнул я. — Давай просто наслаждаться вечером.

В окошке напротив столика, за которым мы сидели, не начало еще даже смеркаться.

— Или днем, — пожал плечами я. — Какая разница?

Явно напрашивающуюся шутку, что мне действительности без разницы, когда пить, я так и не услышал. Это вызывало легкое удивление. Обычно Аня не упускала столь удобные возможности.

— Выпей, — сказала она, когда на столе перед нами очутилась заказанная чуть ранее бутылка вина. Денег у меня со вчерашнего дня не прибавилось, но разве это помеха для настоящего джентльмена?

— У тебя такой вид, словно ты хочешь мне о чем-то сказать, — остановив бокал на полпути к цели, сказал я, глядя на необычно тусклое, цвета зимнего неба лицо Ани.

— Я хочу тебе о чем-то сказать, — кивнула она.

— Так говори.

— Выпей.

Я в точности исполнил это указание. Аня одобрительно улыбнулась, но через секунду ее губы стали прямыми, как две параллельные линии. Она посмотрела в окно, ненадолго задержав взгляд на безрадостном грязно-сером уличном пейзаже. Она что-то беззвучно шептала, словно повторяя заученный стих.

Переведя глаза на меня, она выдохнула и заговорила — уверенно и без запинок:

— Мне нужно тебе кое в чем признаться.

Я почувствовал, как разрываются динамитные заряды, заложенные под опоры моста наших отношений.

9. Хладнокровно и без чувств

— Понимаешь, — говорила она, как проигрыватель, воспроизводивший аудиозапись, — мне уже двадцать девять лет, и моложе я не становлюсь. У меня нет денег, работа

бесперспективная, родители едва концы с концами сводят и не могут мне ничем помочь.

Мне казалось, что я могу угадать каждое следующее слово.

— Я хочу покоя, хочу уверенности в завтрашнем дне, знать, что не окажусь на улице, оставшись без работы. Мне надоело считать копейки, заходя в магазин, надоело не видеть в будущем никакого просвета.

Завязка, согласно всем правилам драматургии, состоялась. Пора было переходить к основной части.

— Ты — отличный парень, — Аня выдавала заранее продуманные слова, подкрепляя их приличествующей ситуации мимикой. — Ты добрый, и нежный, и веселый, с тобой бывает очень хорошо.

Разумеется, найдется во мне и что-то не столь замечательное.

— Но ты нерешителен, ты слабоволен, ты ни о чем не задумываешься и ни к чему не стремишься. Ты вполне удовлетворен своим положением и согласен провести так всю жизнь. Это твой выбор и твое дело, конечно. Но ты не подумал обо мне! Я не хочу и не могу так жить. Я хочу семью, мне нужен человек, на которого можно было бы опереться и забыть о материальных проблемах и страхах. Ты остановился, а мне хочется идти дальше.

Я предельно ясно понимал каждое предложение из ее речи и в то же время не понимал ровным счетом ничего. Мне хотелось стряхнуть с себя нездоровую фантазию, очнуться от дурного видения.

Небольшое трагическое повествование, между тем, приближалось к кульминации.

— Я встретила кое-кого, — все тем же невозмутимым тоном проговорила Аня. — Он не похож на тебя, и я не буду говорить, что он лучше. Но он способен дать мне будущее, все то, чего я хочу, к чему стремлюсь. Я не хочу упускать этот шанс. Прости.

Финал, занавес.

Несколько секунд я сидел так неподвижно, что мог бы дать фору любому изваянию деятелей прошлого, что в изобилии расставлены на площадях и в парках.

А затем я прозрел.

Аня все заранее обдумала, отрепетировала и прекрасно выступила. Мне хотелось, чтобы она с криком осыпала меня несправедливыми упреками, чтобы с вызовом признавалась в неудержимой любви к другому, чтобы ее эмоции били, как бронебойные пули, а слезы лились, как вино на шумном празднике. Но ничего этого не было.

Меня придирчиво оценили, сравнили с другим, признали негодным и отбросили прочь, в

соображениях целесообразности. Хладнокровно и без всяких чувств. Ничего личного.

10. Самая разумная из всех форм

И разверзлись небеса в четырех концах земли, и обрушились на головы смертных мор и глад. Запылала огнями твердь небесная, зашлись буйным пламенем моря и реки. Во всех краях и странах не найти было человека, которого обошла боль и утрата.

Примерно такие картины рисовало мое воображение в первые дни после разлуки. Распоясавшиеся сновидения позволяли себе и того больше. Ни в мире грез, ни наяву мне не было покоя.

Самое плохое Аня приберегла напоследок.

В сообщении, присланном уже после ее ухода, содержалось все то, что она постеснялась сказать с глазу на глаз. Оказалось, что для моего же блага нам лучше более не видеться, не звонить друг другу, не списываться и так далее. Это, видите ли, может пробудить во мне ложные надежды. Никогда, подчеркивала Аня, никогда нам уже не быть вместе.

Слово «никогда» приводило меня в отчаяние. О, какое же это страшное слово! Я стал чувствовать его схожесть с вечным ничто, со смертью. Разница

лишь в том, что смерть предвещает конец всего, и хорошего, и злого, а никогда — только одной из частей жизни. Очень важной ее части.

Никогда — частный случай смерти.

Наплевав на весь белый свет, движимый вперед лишь желанием забыться, я бездумно растрчивал последние деньги на выпивку, ища забвения в глубине ее горьковатых вод.

Подводные течения бросали меня из одного незнакомого бара в другой, смешивая вещи и людей в одно скучное, тошнотворное целое.

— В этом всем, — с увлеченностью отчаявшегося разъяснял я незнакомой девице, непонятно как оказавшейся рядом, — во всем, что нас окружает, нет совершенно никакого смысла! Все прах, все тлен — и эти столы, и эти стены, и посуда.

Она сидела молча, не перебивая. Я даже имени ее не знал. Слушала ли она меня, или думала о чем-то своем, не обращая внимания на помешанного рядом? Трудно сказать. В глазах все плыло и двоилось. От выпивки зрение превратилось в настолько бесполезное чувство, что полагаться я мог исключительно на слух. А она молчала.

— Все это, — продолжал я, — лишь звездная пыль, волею случая обретшая на мгновение форму. Через секунду она снова обратится в пыль. А эти люди вокруг! Посмотри — они же мертвы! Не

сегодня — так завтра они окажутся под землей, и никто и ничто не вспомнит о них. Нас окружают мертвецы! А мы сами? Эх!

Закачав головой, я лихо наполнил рюмку, одним лишь чудом не разбив бутылку.

— Даже сама вселенная против нас, — не иначе, как воскресив в себе Лазаря, ухватился я за прежнюю нить повествования. — Она когда-то исчезнет, перестанет существовать, вернется к пред-начальному своему виду, вернее, к не-виду. И где тогда цель? Где Бог?

Словно Самсон, ухватившийся за колонну дворца, я сжал спинку стула и, прилагая титанические усилия, поднялся на ноги.

— Да здравствует небытие — самая разумная из всех форм существования. Я пью за то, чтобы приблизиться к смерти!

Сидевшая рядом девушка щелкнула зажигалкой. Маленький уголек разгорелся на кончике ее сигареты.

— Ты пьешь, — неожиданно сказала она, — потому что очень хочешь жить.

11. Судьба готовит для меня нечто особенное

Через несколько дней, а может спустя целую вечность — кто разберет — я сумел проснуться в

относительном сознании. Достаточно, чтобы воспринимать мучительную реальность.

Запасы алкоголя, которых хватило бы для открытия небольшой рюмочной, невероятным образом растворились в искалеченных тоской глубинах моего я. Это, похоже, и стало решающим фактором в победе над длительным запоем. Ура несгибаемому упорству и отчаянной воле к победе!

Продираясь между рядами бутылок, словно Кортес сквозь девственные леса Америки, я с трудом добрался до незахламленной части комнаты. С минуту звенело так, словно я был в храме Христа Спасителя.

Дождавшись успокоения разъяренного звукового шторма, я принялся за поиски телефона. Найти его было не проще, чем откопать клад без карты и уверенности, что он вообще существует.

Лишь запустив компьютер и отправив, с помощью интернета, сообщение на собственный номер, мне посчастливилось обнаружить искомое.

Несколько пропущенных звонков от родителей, обеспокоенных судьбой любимого сына, не сумели вернуть мне волю к жизни. Цифры, застывшие на часах, не заставили раскаяться о впустую потраченном времени. Но вот дата в календаре произвела совершенно иной эффект. Она вернула меня социуму.

На какое-то время.

Двенадцатое декабря недвусмысленно намекало, что уже через неделю, то есть девятнадцатого, придет срок уплаты за квартиру. Социум, в лице моего арендодателя, ожидал положенной ему суммы денег и был готов напомнить, без всяких стеснений, как неуютно ночевать под открытым небом. Особенно зимой.

Искать штаны, затерявшиеся где-то посреди алкогольного поля брани, мне не захотелось. Я интуитивно чувствовал, что никаких денег внутри их карманов нет и быть не может.

Пришлось задуматься о плане спасения.

После целой вечности напряженной мыслительной работы на истощение, то есть где-то спустя минуту, я сдался. Я сообразил, что погиб. Меня способен был выручить только случайно найденный лотерейный билет с выигрышной комбинацией. Но я ни разу ничего не находил и не выигрывал.

Присев на растрепанную кровать, покрытую беспокойными волнами одеяла, я громко рассмеялся. Судьба, эта неразборчивая в связях девушка, стряпала нечто особенное. Она оставила меня без работы, без любимой, а вот теперь готовилась лишить и жилья. Она забирала все, что человека связывает и крепко обязывает.

Судьба хотела подарить мне свободу!

Я заплодировал.

12. Революция настроений и чувств

Что делает человек, который готовится обрести свободу?

Он бездействует! Он смиренно ждет, в равновесии с миром и самим собой, блаженного часа.

Я занялся примерно тем же.

Кроме того, чтобы не слишком томиться в процессе смиренного ожидания, мне пришло в голову покопаться в интернете.

Сделал я это без какой-либо определенной цели. Мои освобожденные от малейшей логики скачки от страницы к странице напоминали дрейф брошенного в океане судна. Я не хотел с кем-то связываться, не искал чего-то определенного. Статьи оставались недочитанными, видео и клипы безжалостно закрывались задолго до окончания, а целые вереницы однотипных новостей пробегали мимо, не отпечатываясь в памяти даже отдельными заголовками. Любой берег не выглядел достаточно привлекательным, чтобы сесть около него на мель.

Бесконечные щелчки мыши успокаивали. Спутанное и бессмысленное чередование сайтов было однообразным, но не утомляло. Минуты отсчитывали часы, а мне и в голову не пришло заняться чем-то иным. Интернет оказался золотой

клеткой, изнутри которой не были видны прутья. Идеальная, совершенная западня.

Одна, часто повторяющаяся новость привлекла мое внимание. Что-то в ней сумело-таки угодить в дырявые сети бездействующего разума. Мне не сразу удалось сообразить, что именно.

С минуту я сидел над текстом, стараясь отыскать разгадку. Она находилась где-то на поверхности, прямо перед носом. Это напоминало длительные поиски связки ключей, лежащей у тебя в ладони.

Вдруг, в одночасье, внутри меня разорвалась атомная бомба. Я чуть со стула не подпрыгнул от радости. Спасен — кричало все внутри, заглушая любые другие мысли. Это была настоящая революция настроений и чувств.

Новость рассказывала о триумфе отечественной науки, что уже само по себе было порядочной невидалью, вроде замерзающего Нила и снега на плато Гиза. Выдающийся ученый, нейробиолог Антон Борисович Головной, известный своим отнюдь не долголетним, но продуктивным трудом во благо человечества, десятого декабря сего года, то есть два дня назад, получил в Стокгольме нобелевскую премию в области физиологии и медицины.

Еще раз перечитав это предложение, я чуть не пустился в пляс. Судьба просчиталась. Мне не

терпелось выставить ее на посмешище.

13. Преимущество, которое у меня есть

Но перед тем судьба все же сумела подложить мне свинью.

Узнать, в чем заключалась работа ученого, я не успел. Экран монитора, превратившийся в любительскую копию известной картины Малевича, на корню загубил эту мечту. Он годился теперь лишь для беспредельного погружения в черноту первобытной ночи, как выразился бы поэт.

Для тех же, кто был равнодушен к поэзии, монитор вообще ни на что не годился.

Лихорадочное и бессистемное нажатие разных кнопок на панели результата не дало. Чертыхаясь и вспоминая людей, канонизированных церковью, я поднялся на ноги и застыл, соображая, что делать дальше. Внезапная мысль, с трудом продравшаяся в измученное жидкими ядами алкоголя сознание, сковала мои конечности.

Только не это.

Потратив несколько секунд на концентрацию воли, я все же сумел приблизиться к ближайшему выключателю. После десятого по счету щелчка свет так и не зажегся. Бумажка с уведомлением о неуплате с неммым укором валялась около входной

двери.

Разочарование было чувствительным, но недолгим. Приятное воспоминание о нобелевском лауреате Антоне Борисовиче Головном, который спасет меня от бродяжничества, вдохновляло на подвиги.

Вернувшись к парализованному моей безответственностью компьютеру, я схватился за лежащий рядом телефон. Слава аккумуляторной батарее, для работы ему не требовалось, до поры до времени, электричество.

Номер еще одного моего спасителя, который и не догадывался о своей высокой миссии, нашелся довольно быстро.

— Алло? — вяло проговорил хриплый мужской голос на другом конце трубки.

— Здравствуйте, — с трудом сказал я, пытаясь совладать с речью. — Приветствую, Сергей Витальевич.

Сергей Витальевич Грубов был главным редактором второсортного, но все же довольно популярного журнала. Его интересовали политика, шоу-бизнес, светская жизнь, наука, спорт, автомобили и многое, многое другое. Его журнал писал обо всем сразу и, как это часто бывает, ни о чем конкретно.

— Кто это? — не слишком вежливо поинтересовался Сергей Витальевич, который,

между делом, ошибочно возводил в добродетели простоватую грубость и бестактную прямоту.

Нас познакомил, несколько лет назад, кто-то из моих коллег — я тогда еще рассчитывал вырасти в настоящего, большого журналиста. Мне пришлось тактично напомнить редактору о давней встрече.

— Ничего такого не помню, — честно признался он. — Чего надо?

Не обращая внимания на его тон, я поинтересовался, слышал ли он об итогах недавней нобелевской церемонии.

— Ты что, за идиота меня держишь?

Именно так, хотелось сказать мне, но ответил я по-другому.

— Разумеется, нет. Вы, конечно же, знаете о триумфе Антона Головного?

— Да кто же о нем не знает? — засмеялся, хрипя, Грубов. — Везде только о нем и пишут. Одно и то же, правда, но пишут.

Наступил решающий момент. Я заговорил, как багдадский визирь, нашептывающий советы на ухо халифу.

— Тогда вас, возможно, — на цыпочках слов начал подкрадываться я, — заинтересует подробное интервью с нобелевским лауреатом?

— С каким? — спросил он с некоторым интересом.

Редьярдом Кипплингом, подумал я.

— С Антоном Головным, разумеется.

Хрипота Грубова заметно оживилась.

— Конечно, заинтересует! — сказал он. —

Только где ж я его возьму?

— Его возьмете не вы. Его возьму я.

Я ожидал уважительного, насколько это было возможно в его случае, ответа от Сергея Витальевича.

Удивительно предсказуемая штука, эти мои ожидания. Они никогда не сбываются.

— Ха-ха, я посмеялся, — прорычал он в трубку. — Ты решил меня разыграть? Люди почище нашего с тобой пытались взять у него интервью, и остались с шишом. Он, видите ли, не хочет общаться с журналистами, полагая, что это время можно потратить с куда большей пользой. Индюк напыщенный.

Об этом я, конечно же, не знал. Но тем лучше.

— Мне, — отчетливо проговаривая каждую букву, заметил я, — удастся взять это интервью. Люди почище нас с вами не имели того преимущества, что есть у меня.

— И какого же?

— Антон Головной — мой друг.

14. Это ли не безумие?

Спустя пять минут я мог с уверенностью смотреть в будущее, не страшась перспективы выпрашивать мелочь в людных местах, жить в картонном ящике и бегать от полиции. В обмен на уникальное, как выходило, интервью, я получал столь необходимые деньги и, возможно, кое-какую работу впоследствии. Потрясающая история человеческого успеха. Головокружительное преобразование.

Дело оставалось за малым, и вот здесь меня начали пожирать сомнения. Не то, чтобы я врал редактору о своей дружбе с Антоном Головным, нет. Мы действительно были друзьями. Здорово проводили с ним время, последний раз — лет с десять назад, но разве у настоящей дружбы может быть срок годности?

Признаюсь, я бы и сам с интересом узнал ответ.

Имелись и проблемы чисто технического характера. Алчные служители мамоны — сотрудники ЖЭКа — в безумной погоне за грошами не только погрузили меня во тьму, но и выход в интернет затруднили до крайности.

Не дай вам Бог пройти через такое.

Без легкодоступной информации я чувствовал себя человеком с ограниченными возможностями.

Я даже не знал, за что именно Антон Головной получил нобелевскую премию, но все равно собирался взять у него интервью. Это как ставить свою жизнь на кон, не имея ни малейших представлений о правилах игры.

Я поделился этой мыслью с Таней — безнадежно влюбленной в меня давней знакомой. Мы не виделись с того вечера, когда неприятности ураганом подхватили меня и понесли, как Элли и ее собаку, в Волшебную страну. Когда-то, во времена немного более счастливые, мы часами напролет могли разговаривать с ней на любые темы.

— Ничего удивительного, — сказала она в трубку. — Люди постоянно так делают.

— Безрассудно рискуют своими жизнями? — засомневался я. — Разве что очень глупые люди. Вроде меня.

— Да нет, не только они. Ведь чем еще может быть наша жизнь, как не путешествием слепца по холмам и оврагам, где запросто можно свернуть себе шею? Мы, люди, не знаем и знать не хотим о том, что было вчера, не способны предсказать завтра. На один точный прогноз приходится десять, угодивших в молоко. Мы мчимся с невероятной скоростью сквозь безжизненный, враждебный космос на корабле, названном «Земля» — устройстве хрупком и ненадежном, способном развалиться в любой момент, если не от внешних

воздействий, так от нашего же неумелого с ним обращения. Мы все ничего не знаем ни о человеке, ни о человечестве, не имеем достоверной информации о природе, вселенной, но при этом выдумываем хромые, натянутые теории и уверяем себя, что полностью контролируем собственную жизнь и происходящее вокруг! Это ли не безумие?

Таня остановилась, переводя дух после эмоциональной, искренней речи.

— Как мы можем строить далеко идущие планы, — тихо добавила она, — если не способны с уверенностью сказать, проснемся ли на следующее утро? Люди, кем бы они ни были, не могут ничего в этом мире контролировать. Все мы — одинаково бессильны перед случаем. Разница лишь в том, что некоторые не тратят впустую сил, чтобы в этом убедиться.

15. То, что двигало мною

Я спросил, свободна ли она вечером.

— Приезжай ко мне, — ответила Таня.

Долго упрашивать меня не пришлось.

Захватив кое-какие вещи, я покинул холодную и темную квартиру — наглядное свидетельство всей неприглядности аморального образа жизни. Мелочи в карманах как раз хватало на автобусный билет в один конец. Получив от Тани подробные

инструкции по телефону, я примерно представлял себе, как добраться до ее дома.

Признаться, не одна лишь тяга к общению вела меня вперед, по замерзшим декабрьским улицам. Желание узнать некоторые подробности о работе Антона Головного и том, где он находится в данный момент, время от времени проносилось мимо дальних рубежей сознания. Где-то там же бродил и вопрос денег.

Множество целей, явных и скрытых, двигало мною в тот вечер.

Прошествовав со скучной серой улицы в унылый грязный двор, я вошел в темный подъезд, чтобы подняться по затоптанной, усеянной окурками лестнице. Таня даже не дала мне позвонить в дверь — она открыла ее на упреждение.

Пройдя неприметным коридором, мы очутились в маленькой прямоугольной комнатке. Кровать у стены, стол, тумба, шкаф и зеркало, если я чего-нибудь не упустил, заполняли большую часть пространства. На стенах висели репродукции известных картин. Полки шкафа были под завязку набиты десятками книг.

Приятный оранжевый свет настольной лампы как будто бы срезал острые углы мебели, придавая ей налет старины и очарования. Обстановка, без всяких сомнений, наводила на романтический лад.